

34112568-1

ISSN 2300-6191

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

2014

№ 8

Диалог в школе

Готов ли современный первоклассник к обучению?

Человек в социуме

Синдром отмены: кто виноват?

Практикум для профессионала

Работа психолога в системе образования:
психологическая помощь семье

Семья

Кризисная ситуация в семье глазами сиблингов

Академический портал

Диалогическая модель самоидентификации

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ДИАЛОГ

психологический и социально-педагогический журнал

№ 9 (20)

АВГУСТ

2014

Научно-методический журнал

Выходит с января 2013 г.
Периодичность — 1 раз в месяц

Учредитель и издатель:
республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Пачатковая школа»»

Директор, главный редактор издательства
ВАНИНА Наталья Геннадьевна

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1572 от 28.09.2012,
выдано Министерством информации Республики Беларусь

Главный редактор журнала
ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Александрович,
доктор психологических наук, профессор

Редакционная коллекция:

Н. А. ЗАЛЫГИНА,
заместитель главного редактора,
кандидат социологических наук, доцент;

С. И. НЕБЕЖАХ,
ответственный редактор, кандидат
педагогических наук, доцент;

Г. Ф. БЕДУЛИНА, кандидат
психологических наук, доцент;

Н. П. ВАЛЕНТИНА;

С. И. КОПТЕВА, кандидат
психологических наук, доцент;

Г. М. КУЧИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;

Т. А. ЛОПАТИК, доктор педагогических
наук, профессор;

Л. Г. ЛЫСЮК, доктор психологических
наук, профессор;

О. В. МАТЮХОВА;

М. Е. МИНОВА;

А. П. ОРЛОВА, доктор педагогических
наук, профессор;

Н. Л. ПУЗЫРЕВИЧ, кандидат
психологических наук;

Ю. Г. ФРОЛОВА, кандидат
психологических наук, доцент

Редакционный совет:

А. И. ЗЕЛЕНКОВ,
председатель, доктор философских
наук, профессор;

А. Л. ВЕНГЕР, доктор психологических
наук, профессор (РФ);

Н. Т. ЕРЧАК, доктор психологических
наук, профессор;

Я. Л. КОЛОМИНСКИЙ, доктор
психологических наук, профессор;

А. С. ЛАПТЕНОК, доктор философских
наук;

П. МЕРИНГОЛО, профессор
департамента психологии (Италия);

Р. С. СИДОРЕНКО, кандидат
педагогических наук;

Е. С. СЛЕПОВИЧ, доктор
психологических наук, профессор;

И. А. ФУРМАНОВ, доктор
психологических наук, профессор;

Е. М. ЧЕРЕПАНОВА, доктор психологии
(США);

В. А. ЯНЧУК, доктор психологических
наук, профессор

Национальная
библиотека
Беларуси

Содержание

Диалог в школе

Н. В. Господарёва

Готовность современного ребенка к обучению в школе

3

Практикум для профессионала

В. М. Целуйко

Оказание психологической помощи семье
как одно из направлений работы психолога системы образования

10

Семья

Н. Г. Новак

Кризисная ситуация в семье глазами сиблингов

14

Ключ к себе

Н. Л. Пузыревич

Нужно ли избавляться от чувства вины

20

Человек в социуме

Н. С. Поспелова

Синдром отмены

26

Академический портал

Д. Г. Дьяков

Диалогическая модель самоидентификации,
фундированная культурно-историческим подходом

32

Г. В. Лагонда

К проблеме построения нормативной модели
сексуальности взрослого человека

42

Т. И. Кривонова

Как может и/или должна сегодня измениться
позиция преподавателя высшей школы

46

Диалогическая модель самоидентификации, фундированная культурно-историческим подходом

Аннотация. В статье предлагается нормативная модель самоидентификации, выстроенная в концептуальной перспективе культурно-исторической психологии. Через призму теорий Л. С. Выготского, М. М. Бахтина, в контексте идей В. С. Библера и Г. М. Кучинского определяется понятие самоидентификации, анализируются возможности рассмотрения внутреннего диалога в качестве основного механизма, обеспечивающего работу самоидентификации. Предлагается функциональная структура самоидентификации как высшей психической функции.

Ключевые слова: самоидентификация, нормативная модель самоидентификации, функциональная структура самоидентификации, внутренний диалог, высшая психическая функция, знаковое опосредствование, символическое опосредствование, субъектность социокультурный Другой, интериоризация.

Summary. Normative self-identification model constructing in conceptual prospect of cultural-historical psychology is proposed in the text. The definition of self-identification developed through the prism of theories of L. S. Vygotski, M. M. Bakhtin and in the context of V. S. Bibler's and G. M. Kuchinski's ideas is suggested. The possibility of consideration of the internal dialogue as the main mechanism, providing self-identification, is analyzed. Functional structure of self-identification as a higher mental function is offered in this article.

Keywords: self-identification, normative model of self-identification, functional struc-

**Дмитрий
Горюнов,
д. псих. н.,
декан
факультета
психологии,
заведующий кафедрой
методологии
и методов
психологических
исследований
БГПУ им. М. Танка,
кандидат
психологических
наук,
доцент**

ture of self-identification, internal dialogue, higher mental function, sign mediation, symbolic mediation, subjectness, sociocultural Another, interiorization.

Постановка проблемы

Проблема самоидентификации человека является одним из наиболее острых вопросов как в психологии личности, так и в социальной психологии [1]. В XX в. этой проблемой занимались не только психологи (Э. Эриксон, Х. Тэджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэлл, Дж. Марсиа, Ж. Лакан и др.), но и представители непсихологической социогуманитаристики (Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман, Р. Бурдые, А. Гидденс, Дж. Ури, П. Рикер и др.). В то же время ни один из существующих подходов к этой проблеме не позволяет, как нам представляется, организовать мето-

дологически корректное и одновременно обладающее объемными эвристическими возможностями исследование самоидентификации субъекта как процесса формирования его интегральной идентичности. Так, большинство исследователей фокусирует свое внимание на количестве, реже — на характере предъявляемых испытуемым идентификационных категорий (рассматриваемых в таких случаях, как правило, в качестве элементов социальной идентичности или самосознания) [см., например, 2; 3]. В отдельных случаях отмечается смещение акцента с собственно явлений самоидентификации к исследованиям самоотношения, образа «Я» и т. д., результаты которых выдаются авторами за результаты изучения идентичности [см., например, 4; 5].

Следует сказать, что в поле культурно-исторической психологии практически отсутствуют попытки концептуализации понятий «идентичность» и «самоидентификация», так же как и попытки понятийной фиксации стоящей за ними психологической реальности (за исключением концептуализации отдельных понятий, тесно связанных с проблемой самоидентификации, например разработки понятия «автобиографическая память» В. В. Нурковой [5]). При этом в русскоязычной психологии проблема идентичности обсуждается, но преимущественно в русле когнитивного подхода (А. Р. Аклаев, Н. Л. Иванова, Л. Н. Корень, Е. В. Федорова и др.), где, как правило, речь идет о социальной идентичности, или психодинамическом подходе с элементами интегративно-эклиетического (А. В. Визигина, И. С. Хон, Ц. П. Короленко, И. А. Толпин и др.), а также с позиций, близких социальному конструкционизму (А. Г. Асмолов, Е. П. Белинская, Т. Г. Стефаненко и др.). Исключением, возможно, следует назвать теорию В. С. Агеева, объ-

ясняющую отдельные явления социальной идентичности в контексте феноменов совместной деятельности групп. В поле же собственно культурно-исторического подхода (в отличие от узкодеятельностного) данная проблема не получила до сих пор существенного развития [7].

В то же время обращение к культурно-исторической психологии позволяет решить ряд методологических проблем исследования идентичности: преодолеть противопоставление социальной и личностной идентичностей, разрешить вопрос о том, объединяет или разделяет идентификация человека и общества, зафиксировать процессуальные характеристики идентичности, а также доступные экспериментальной фиксации ее эмпирические корреляты. Более того, обращение к этому психологическому направлению позволяет определить критерии сформированности процесса самоидентификации, что особенно важно при изучении развития этого процесса в онтогенезе как в норме, так и у лиц с особенностями в развитии психическими дисфункциями. Для последних ситуация недосформированности или искаженного формирования идентичности является одним из ключевых компонентов в психологической структуре их дефекта.

Выстраивая теоретический конструкт самоидентификации, разрабатывая ее модель, мы опираемся, прежде всего, на идеи двух советских мыслителей, которых по праву можно рассматривать как основоположников культурно-исторического направления в советской и мировой психологии: М. М. Бахтина и Л. С. Выготского [8; 9].

Понятие самоидентификации

Чувственной тканью, вокруг которой выстраивается настоящая модель¹ самоидентификации, выступает неассоци-

¹ Модель понимается здесь, вслед за Б. Н. Еникеевым, В. П. Зинченко, Б. Г. Мещеряковым, как «упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их заместителя и средства оперирования» [10, с. 300].

ированный субъективно значимый индивидуально-исторический опыт субъекта. Согласно предлагаемой нами модели в ходе самоидентификации осуществляется ассоциирование данного опыта, его представление в сознании субъекта в виде единства нескольких относительно самостоятельных в социокультурном плане исторических перспектив жизни. О связи идентичности и автобиографической памяти (которая является частью феноменологии чувственного опыта субъекта) пишет, например, автор культурно-исторической теории автобиографической памяти В. В. Нуркова [5].

Важнейшим этапом построения модели самоидентификации в поле культурно-исторической психологии является обоснование включения этой категории в систему ключевых идей и понятий культурно-исторического подхода. Краеугольной идеей Л. С. Выготского, лежащей в основе всей его теории формирования высших психических функций (далее — ВПФ), ее методологическим базисом выступает идея знаково-символического опосредствования высших форм психической жизни человека [11—13]. Формирование самоидентификации как высшей собственно человеческой деятельности неизбежно должно опираться на включение субъектом знака в ее структуру в качестве орудия организации самоотождествления. Особенно важно, в контексте объяснения природы самоидентификации как ВПФ является тогда идея Л. С. Выготского о том, что мысль не отражается, но формируется в языке [12]. Продолжая эту линию размышлений Л. С. Выготского, мы полагаем, что самоидентификация осуществляется (а не только выражается, как это нередко рассматривают в классических теориях идентичности) через апелляцию субъекта к категориям языка. Человек обращается к тем категориям (и, соответственно, стоящим за ними социальным позициям), которые позволяют сохранить целостный конструкт себя во времени. Таким образом, самоидентификация формируется

в тех языковых категориях, которые фиксируют человека как целое и, что особенно важно, как субъекта определенной протяженной во времени социальной практики. Такие категории формируются в опыте социального взаимодействия людей и отражают направленность, характер и интенсивность его социальных интеракций. Формируясь первоначально в поле межличностных отношений субъекта и выполняя функцию средств его социальных репрезентаций, идентификационные категории становятся далее средством формирования самосознания человека. Это соотносится с одним магистральным принципом развития высших форм психической активности человека, сформулированным Л. С. Выготским: «Через других мы становимся самим собой», и с «...необходимостью всё внутреннее в высших формах было внешним» [3, с. 14]. Исходя из этого можно утверждать, что самоидентификация является знаково-опосредствованным (не только по сути репрезентации, но и по сути формирования) и, как следствие, произвольным психическим процессом, который правомерно рассматривать реализующим одну из высших психических функций человека.

Вместе с тем Л. С. Выготский в своей работе «Воображение и творчество в детском возрасте» отмечает, что «...впечатления или образы, имеющие общий эмоциональный знак, то есть производящие на нас сходное эмоциональное воздействие, имеют тенденцию объединяться между собой. Получается комбинированное произведение воображения, в основе которого лежит общее чувство, или общий эмоциональный знак, объединяющий разнородные элементы, вступившие в связь» [14]. Под этим «общим эмоциональным знаком» исследователями все чаще понимается символ, выступающий наряду со знаком в качестве орудия, опосредствующего познание действительности [см., например, 15]. Эта идея Л. С. Выготского, если допустить, что такое воображение может

быть направлено человеком на самого себя, позволяет предположить, что самоидентификация не ограничивается формированием знаково опосредствованных социокультурных стратегий в сознании субъекта, но предполагает надзнаковую фиксацию символически опосредствованного единства близких в эмоциональном и ценностно-смысловом плане самоидентификационных конструкторов.

Таким образом, структура самоидентификации, реконструированная с опорой на центральные теоретические позиции Л. С. Выготского, должна включать чувственную ткань, выражающую представления человека о субъективно значимых явлениях взаимодействия со внешним миром, знаковую составляющую, обеспечивающую отбор и организацию чувственного опыта, закрепление за ним социальной субъектности, а также символический компонент, обеспечивающий ценностно-смысловое единство знаково опосредствованных организованностей чувственного опыта².

Еще одним важным методологическим принципом Л. С. Выготского, как известно, является осуществление анализа психологической реальности не по элементам, но по единицам. Причем условиями методологической состоятельности единицы анализа психологической реальности у Л. С. Выготского выступали присутствие в единице важнейших признаков анализируемого явления как целого и единства в ней принципиально разнородных содержаний исследуемой реальности (в этом нашел отражение диалектический подход к выделению единицы анализа психического). Абсолютизации идеи целостности, имплицитно заложено в единстве принципиально разнородного, присутствует, в частности, в положении о неделимом единстве аффективного и интеллектуаль-

ного, личностного и средового в переживании, а у «раннего» Л. С. Выготского — в идее о значении как единице анализа сознания. Решая задачу выявления категорий и теоретических позиций, опираясь на которые возможно осмыслить процесс идентификации в русле культурно-исторической традиции, мы обращаемся, прежде всего, к категории переживания, разрабатывавшейся Л. С. Выготским на позднем этапе его научной деятельности. Переживание рассматривалось этим психологом в качестве оптимальной единицы анализа психического, «действительной динамической единицы сознания» [11]. Л. С. Выготский предлагает рассмотреть переживание как внутренне личностное отношение человека к действительности, осуществляющееся в единстве интеллектуального и аффективного. Если продолжить размышления Л. С. Выготского, то тогда необходимо говорить о самоидентификации как переживании человеком едино-субъектности своих манифестаций в мире, т. е. во внутреннем личностном (прежде всего ценностно-опосредованном), осуществляемом в единстве интеллекта и аффекта отношении человека к собственным манифестациям в мире как к явлениям одного порядка, имеющим единую сущность, конституированным единой субъектностью.

Поскольку мы опираемся на идею «позднего» Л. С. Выготского, согласно которой переживание является единицей сознания, нам следует аргументировать положение о том, что самоидентификация выделяется в структуре сознания в результате фиксации переживания как единицы анализа сознания. Другими словами, следует доказать, что самоидентификация воплощает в себе единство личностного и средового, с одной стороны, и интеллектуального и аффективного —

² Данный тезис о структурной организованности самоидентификации прямо согласуется с представлением А. Н. Леонтьева о структурном устройстве сознания, выведенном из положения Л. С. Выготского о бытийном и рефлексивном слоях сознания. Так, А. Н. Леонтьев выделяет три образующих структуры сознания: чувственную ткань образа, значение и смысл [16].

с другой. Выше мы показали, что самоидентификация осуществляется через апелляцию субъекта к категориям языка. Аффективно окрашенные представления автобиографической памяти и представления воображения о себе в будущем отбираются, обобщаются и организуются в сознании при помощи знака. Единство знака и аффективно окрашенного представления субъекта о собственном взаимодействии с миром выступает выражением единства интеллектуального и аффективного в самоидентификации как переживании единой субъектности своего опыта. Единство личностного и средового в самоидентификации выражается в том, что знак, являющийся орудием самоидентификации, первоначально применяется по отношению к себе лишь как орудие формальной фиксации собственной микро- и макросоциальной принадлежности, как правило, детерминированной внешними средовыми запросами, и лишь по мере развития сознания ребенка становится средством обобщения и организации его собственного чувственного опыта взаимодействия с миром. При этом знак и далее, вместе с развитием функции отбора и аккумуляции собственного опыта ребенка, продолжает выполнять функцию регулирования его внешних социальных внутри- и межгрупповых отношений.

Сформулированное выше положение о знаковой социокультурной сущности опосредствования чувственного опыта в ходе самоидентификации предполагает необходимость рассмотрения переживания событий индивидуальной истории как осуществляемого в соотношении с матрицей социокультурных ролей и практик, выраженных в соответствующих категориях. Таким образом, самоидентификация выступает как переживание субъектом себя в «социокультурном Другом».

Интегрируя зафиксированные выше признаки самоидентификации, мы пред-

лагаем определить *самоидентификацию как высшую психическую функцию внутреннего личностного знаково и символически опосредствованного отношения человека к разнесенным во времени актам взаимодействия с миром как к явлениям, конституированным единой субъектностью и составляющим единое индивидуально-историческое целое. Определяя самоидентификацию как переживание себя в «социокультурном Другом», мы рассматриваем ее в единстве интеллектуального и аффективного, личностного и средового, хронотизирующем, согласно Л. С. Выготскому, переживание.*

Самоидентификация как процесс переживания субъектом себя в ходе осуществления внутреннего диалога

При построении данной модели мы исходим из предположения о том, что переживание субъектом себя в ходе самоидентификации предполагает осуществление внутреннего диалога. Этот тезис требует аргументации.

Первый вопрос, на который нам нужно ответить, аргументируя это положение: почему самоидентификация предполагает *внутренний диалог*? Здесь нам следует обратиться к идеям М. М. Бахтина, В. С. Библера и Г. М. Кучинского о сущности и роли внутреннего общения в познании, в том числе в самопознании.

В своей концепции самоидентификации мы исходим из того, что основным орудием этого процесса выступает слово. Здесь можно обратиться к размышлениям М. М. Бахтина, который отмечает, что слово является двусторонним актом, определяя слово как «мост, перекинутый между мной и другим. Если одним концом он опирается на меня, то другим концом — на собеседника» [17, с. 88]³. При этом М. М. Бахтиным рассматривается также понятие внутреннего голоса, который

³ Согласно общепринятой версии, автором цитируемой работы является М. М. Бахтин.

активно звучит в соотнесении с другими голосами [18]. Эти внутренние голоса в том контексте, в котором их рассматривает М. М. Бахтин (в контексте организации вынесенного вовне внутреннего полилога философско-мировоззренческих позиций Ф. М. Достоевского), правомерно определить в качестве сначала интериоризированных, а позже экстериоризированных в тексте «Других». Если учитывать реализованную в нашей модели идею интериоризации как одной из ведущих линий развития самоидентификации, то следует говорить о том, что овнутривание самоидентификации обеспечивается овнутриванием «собеседника», находящегося на обратном конце «моста», о котором пишет М. М. Бахтин. «Другой», участвующий в самоидентификации личности, переходит во внутренний план, оставаясь при этом «Другим». Следовательно, осуществляющаяся в определении себя словом самоидентификация в высших формах ее репрезентации есть выход в слове за пределы себя монологичного (самоотторжение) при сохранении присущего монологичности уровня субъектности. Значит, самоидентификация, рассматриваемая как внутренне диалогичный процесс, обнаруживает свойства внутреннего действия и при этом действия в полной мере субъектного, т. е. полностью, в каждой из диалогических позиций произвольного, что показывает ее и с этой стороны как высшую психическую функцию.

Еще одну возможность для интерпретации нашего тезиса о внутренней коммуникативной природе самоидентификации предлагает Г. М. Кучинский. Он рассматривает общение как единственное условие появления знака в качестве заместителя объекта, а когда оба общающихся голоса «перемещаются во внутренний план», знак начинает использоваться как средство обозначения объекта в ходе внутреннего общения [19, с. 113]. Г. М. Кучинский подчеркивает на значимость внутреннего диалога в самопознании: «Соответственно и внутренний диалог участвует в самоопределении, самопознании лич-

ности, начиная с определенного возраста в течение всей жизни» [19, с. 148]. При этом обращение к знаку не есть просто замещение предмета в ходе внутреннего общения. Благодаря этому обращению, как указывает Г. М. Кучинский, становится возможной принципиально новая форма взаимодействия с предметом: «Интерпретация знака постоянно обнаруживает его предметное содержание, в результате чего за знаком открывается предмет» [19, с. 113—114]. Следовательно, реконструкция знака в качестве орудия самообозначения субъекта обеспечивает возможность постоянного переоткрытия и переосмысления себя, выявление новых способов взаимодействия человека не только с «Другим» внешне но и с «Другим» внутри.

Итак, целостное представление себя сознанию становится возможным только при условии самоотторжения, которое осуществляется в ходе апелляции к социокультурному зеркалу, т. е. в ходе соотнесения себя с матрицей социокультурных ролей [20; 21]. До и вне такого соотнесения дальнейшее взаимодействие с самим собой на уровне внутреннего диалога оказывается недоступным. Поэтому, *механистической основой самоидентификации* является внутренний диалог, направленный на формирование идентификационной категории, отражающей проекцию человека на доступное ему социокультурное поле. «Голосами» такого диалога становятся субъект и интериоризированный, т. е. «импортированный» в его сознание в качестве самостоятельного актора «социокультурный Другой». Субъект самоидентификации в логике, предложенной М. М. Бахтиным и получившей развитие в работах Г. М. Кучинского, получает возможность «отторжения себя от себя» и в то же время включения в себя «Другого» и, таким образом, возможность постоянного переоткрытия себя, осуществления уже полноценного внутреннего диалога, участниками которого становятся внутренние голоса, ставшие смысловыми позициями личности.

Правомерным становится еще один вопрос: какую из существующих диалогических форм должен принять самоидентификационный диалог? Самоидентификация является ответом на вопрос личности: «Кто есть Я?» Вопрос, который в логике культурно-исторической традиции должен возникнуть прежде как феномен социальной, детерминированной извне идентификации человека, а затем превратиться во внутреннюю потребность личности (о чем мы специально писали выше). Субъект вступает во внутренний диалог с интериоризованным «социокультурным Я». Среди известных жанров внутреннего диалога наиболее соответствующей логике самоидентификации выглядит вопросно-ответная форма, предполагающая необходимость «самовопрошания» субъекта: «Явным внутренним диалогом могут быть рассуждения... вслух с собственными вопросами и ответами...» [19, с. 65]. Действительно, для того чтобы идентификационная категория приобрела функции организации существующих в сознании содержаний прошлого опыта субъекта, его ценностно-смысловой, мировоззренческой сфер, человеку необходимо *ответить себе на вопросы* о том, кем он является и на чем это основано, возникшие изнутри, затребованные самой личностью. Таким образом, в ходе переживания себя в мире субъект вынужденно сочетает две позиции: позицию вопрошающего и позицию отвечающего. В ходе «диалога этих голосов» происходит самоидентификация.

Итак, реконструирование в контексте стоящей перед нами задачи теорий и идей виднейших авторов, занимавшихся проблемами диалогического устройства мышления и сознания, позволило сформулировать нижеследующее осмысление внутреннего диалога как центрального механизма самоидентификации.

На раннем этапе развития самоидентификации, когда внутренняя позиция субъекта в ходе самоидентификации монологична и гомогенна, диалог в поле

«Я — Другой» выступает как внешнее условие и одновременно сущность самоидентификации. Иными словами, на данном этапе самоидентификация осуществляется непосредственно в процессе общения субъекта с человеком, вступающим с этим субъектом в прямой внешний диалог, предметом которого выступает идентичность субъекта самоидентификации или получение ответа на соответствующий вопрос в ходе развертывания конкретной предметной ситуации, в которой оказывается субъект. Последний на данном этапе задает вопросы соответствующего характера «внешнему Другому» либо отвечает на подобные вопросы, заданные извне (объективизированные в соответствующей ситуации). Внутренний диалог субъекта на этом этапе развития самоидентификации еще зависим, а значит, самоидентифицирующийся не обладает в полной мере субъектностью по отношению к процессу самоидентификации.

В ходе развития самоидентификации за счет общения многочисленных внешних голосов, их абстрагирования от ситуации, конкретного субъект-субъектного взаимодействия, конкретной социокультурной практики формируется обобщенный и абстрагированный голос «внутреннего Другого». Этот «овнутренный» в ходе интериоризации «Другой» приобретает четкую и определенную функцию — носителя «идентификационной компетентности». Именно с этим «овнутренным Другим» ведет далее свой внутренний самоидентификационный диалог субъект. Идентификационная компетентность, которой обладает этот «внутренний Другой», предполагает возможность оперирования эмпирическими (от-опытными) коррелятами самых разных социокультурных ролей, а также соотнесения каждой из этих ролей с определенными личностными ценностями, обеспечивая условия для формирования интегральной от-ценностной идентичности субъекта.

Таким образом, в ходе развития самоидентификации *сущность этого процесса отделяется от условий его актуализации*.

зации. Функцию последних по-прежнему может выполнять ситуация внешней субъект-субъектной коммуникации или предметная ситуация, затребовавшая актуализации самоидентификации личности, тогда как сущностью самоидентификации становится внутренний диалог субъекта с его «интериоризированным Другим». Переход идентификационного диалога в новое качество и формирование вместе с тем самоидентификации как высшей психической функции (условием чего в логике культурно-исторического подхода рассматривается интериоризация голоса как орудия самоидентификации, а также становление субъектности, произвольности этого процесса во всех его диалогических позициях) позволяет нам говорить о формировании у человека нового типа самосознания, характеризующегося, согласно В. С. Библеру, следующим образом: «Когда себя познает Я, антиномически расчлененное, могущее активно и конфликтно взаимодействовать с самим собой...» [22, с. 166].

Функциональная структура самоидентификации

Разрабатывая структуру самоидентификации, мы опираемся на идею Л. С. Выготского о необходимости совмещения структурного и функционального принципов анализа психологической реальности [23]. Конструируя модель функциональной структуры самоидентификации, мы ориентируемся на сформулированное выше понятие самоидентификации как высшей психической функции, а также на определенную в предыдущем разделе роль внутреннего диалога в осуществлении этого процесса.

Исходя из сформулированного выше понятия процесса самоидентификации

обеспечивается тремя основными функциями:

1. Становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление себя сознанию как целостного субъекта определенной (реальной или довоображенной) социальной практики.

2. Аксиоматизационно-детерминированный отбор и ассоциирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также событий планируемого будущего субъекта при помощи знака (формирование самоидентификационных конструктов). Последнее обеспечивается двумя подфункциями самоидентификации:

2.1. формированием связи между избранной категорией и разрозненной феноменологией, характеризующей опыт бытия субъекта в мире (связь по линии настоящее-прошлое);

2.2. формированием связи между идентификационной категорией и мотивационно-целевой сферой человека, характеризующей регуляторный аспект деятельности (связь по линии «настоящее — будущее»).

3. Обеспечение символически опосредованного единства представленных конструктов, а вместе с ними и социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из самоидентификационных конструктов, и, как следствие, эмпирическое апплицирование личностных ценностей, предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с внешним миром.

Рассмотрим каждую из этих функций. Формирование субъектом представления о себе как целом при помощи использования категорий языка обеспечивается осуществляемым в ходе внутреннего диалога самоотчуждением.

Понятие «аксиоматизация» выводится в рабочем порядке из идей И. М. Розета, который рассматривает анаксиоматизацию и гипераксиоматизацию в качестве механизмов изменения субъективной значимости, лежащих в основе ряда относительно динамичных явлений сознания, таких как переживание комического, эмоциональный катарсис и т. д. [24].

При самоидентификации человек превращает эти социогенетические по своему происхождению категории в орудия организации самосознания.

Формирование в ходе внутреннего диалога осознанных соотношений между идентификационной категорией, выражающей целостное самопредставление, и феноменологией автобиографической памяти мы связываем с работой механизмов анаксиоматизации и гепераксиоматизации, т. е. понижения и повышения значимости определенных фактов индивидуальной истории, которые востребованы заданной идентификационной категорией. Таким образом, события памяти меняют свой статус в сознании человека. Из явлений прошлого, которые не представляли для него специальной значимости, отдельные факты индивидуальной истории преобразуются в явления, играющие существенную роль в определении им себя как личности. Кроме того, в ходе осуществления данной функции субъектом может актуализироваться механизм до-воображения прошлого, за счет которого поле феноменов самопредставления достраивается до объема, необходимого для полноценной легитимации актуализированной идентификационной категории. Формирование связи между идентификационной категорией и мотивационно-целевой сферой человека мы также рассматриваем как осуществляемую на основе принципа единства механизмов изменения субъективной значимости, а также воображения. Здесь субъект, сообразно задаваемой идентификационной категорией социокультурной практике, отбирает и содержит в своей мотивационно-целевой перспективе цели, связанные с жизненными событиями, в которых субъект сможет реализовать себя в качестве носителя соответствующей социальной практики.

В этой функции осуществляется процесс, точнейшая дефрагментация собственного чувственного опыта взаимодействия с миром. Субъектом осуществляется

переживание соответствующего опыта в соотнесении последнего с «социокультурным Другим». Теперь чувственный опыт социальных отношений уже не является полностью хаотичным, но кластрифицирован при помощи наложения матрицы социально легитимированных категорий.

Наконец, формирование интегральной идентичности требует от человека организации внутреннего диалога, направленного на поиск предельных мыслей, ценности или группы ценностей, которые можно рассматривать в качестве интегрирующей основы идентичности.

В этой функции заканчивается дефрагментация собственного чувственного опыта взаимодействия с миром. Субъектом осуществляется переживание социокультурно кластрифицированного на предыдущем этапе чувственного опыта как единого целого. Процессом, в котором осуществляется эта функция, становится символическое опосредствование.

Выводы

1. В русле культурно-исторического подхода самоидентификацию следует определять как высшую психическую функцию внутреннего личностного знаково и символически опосредствованного отношения человека к разнесенным во времени актам взаимодействия с миром как к явлениям, конституированным единой субъектностью и составляющим единое индивидуально-историческое целое. Самоидентификация рассматривается как переживание себя в «Другом», осуществляемое в единстве интеллектуального и аффективного, с одной стороны, и личностного и средового — с другой.

2. Нормативная модель самоидентификации включает три основных функциональных компонента:

1) становление знака в качестве орудия, обеспечивающего представление

себя сознанию как целостного субъекта определенной социальной практики;

2) аксиоматизационно-детерминированный отбор и ассоциирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также событий планируемого будущего субъекта при помощи знака (формирование самоидентификационных конструктов);

3) обеспечение символически опосредствованного единства представленности в сознании самоидентификационных конструктов, а вместе с ними и социокультурных контекстов, в которых реализуется каждый из самоидентификационных конструктов, и, как следствие, эмпирическое апплицирование личностных ценностей, предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с внешним миром.

3. Центральным механизмом, обеспечивающим самоидентификацию, является диалог, голосами которого становятся «Я» субъекта и «социокультурный Другой». Развитие самоидентификации обусловливается интериоризацией голоса «Другого» и овнутриванием самоидентификационного диалога, что предполагает необходимость «отторжения себя от себя» и интериоризацию «социокультурного Другого», а также обеспечивающее становление субъектности самоидентификационного диалога.

В ходе развития самоидентификации сущность этого процесса становится независимой от условий его актуализации. Если на этапе внешнего диалога последний был одновременно и условием и сущностью самоидентификации, то в результате интериоризации голоса «Другого» и формирования внутреннего диалога как механизма самоидентификации диалогическая сущность процесса полностью погружается во внутренний план, тогда как ситуативные предметные условия актуализации этого процесса могут по-прежнему оставаться внешними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Микляева, А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : моногр. / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 48—57.
2. Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология [Тексты] ; под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. — М. : МГУ, 1994. — С. 180—188.
3. Трандина, Е. Е. Становление профессиональной идентичности у студентов юридического вуза : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.07 / Е. Е. Трандина. — Ярославль, 2006. — 225 с.
4. Tajfel, H. Social Identity and Intergroup Relations / H. Tajfel. — Cambridge and Paris, 1982. — 119 p.
5. Агеев, В. С. Межгруппное взаимодействие : социальные и психологические проблемы / В. С. Агеев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 200 с.
6. Нуркова, В. В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности / В. В. Нуркова // Мир психологии. — 2004. — № 1. — С. 77—86.
7. Закокоротная, М. В. Идентичность человека : социально-филос. аспекты : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / М. В. Закокоротная. — Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказ. науч. центра высш. шк., 1999. — 370 с.
8. Шоттер, Дж. М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» / Дж. Шоттер // Вопросы психологии. — 1996. — № 6. — С. 107—117.
9. Фрумкина, Р. М. Культурно-историческая психология Выготского — Лурия / Р. М. Фрумкина // Человек. — 1999. — № 3. — С. 35—46.
10. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — М., 2003.
11. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. — М. : Педагогика, 1982—1984. — Т. 4 : Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. — 1984. — 432 с.
12. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. — М. :

Педагогика, 1982—1984. — Т. 2 : Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова. — 1982. — 504 с.

13. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. — М. : Педагогика, 1982—1984. — Т. 3 : Проблемы развития психики / под ред. М. Матюшкина. — 1983. — С. 144.

14. *Выготский, Л. С.* Воображение и творчество в детском возрасте / Л. С. Выготский. — СПб. : Союз, 1997. — 96 с.

15. *Веракса, А. Н.* Особенности символического опосредствования в познавательной деятельности младших школьников : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / А. Н. Веракса. — М., 2008. — 30 с.

16. *Леонтьев, А. Н.* Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. — М. : Педагогика, 1983. — Т. 2. — 318 с.

17. *Волошинов, В. Н.* Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов. — Л. : Прибой, 1930. — 158 с.

18. *Бахтин, М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — 4-е изд. — М. : Совет. Россия, 1979. — 320 с.

19. *Кучинский, Г. М.* Психология внутреннего диалога / Г. М. Кучинский. — Минск : Университетское, 1988. — 206 с.

20. *Бахтин, М. М.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. — М. : Русские словари, 1996—2012. — Т. 5 : К вопросам самосознания и самооценки. — 1997. — 732 с.

21. *Бахтин, М. М.* Человек у зеркала / М. М. Бахтин // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб. : Азбука, 2000. — С. 240.

22. *Библер, В. С.* Мышление и творчество : введение в логику мыслительного диалога / В. С. Библер. — М., 1975. — 339 с.

23. *Мещеряков, Б. Г.* Лекко-семантический анализ концепции Л. С. Выготского : систематика форм поведения и законы развития псих. функций / Б. Г. Мещеряков // Вопросы психологии. — 1999. — № 4. — С. 3—15.

24. *Рост, И. М.* К вопросу о психологической природе идеалов / И. М. Рост // Идукация і вихаванне. — 1994. — № 10. — С. 70—78.

Материал поступил в редакцию 01.07.2014 г.

Периодизация сексуального развития

Совершенно иной подход реализован в периодизации сексуального развития, разработанной во Всесоюзном методическом центре по вопросам сексопатологии при Московском НИИ психиатрии под руководством Г. С. Вильченко. Ее авторы точкой отсчета в развитии сексуальности человека справедливо считают момент зачатия. Они не фиксированы на невротической личности, а главное — отслеживают динамику развития взрослого человека. Периодизация включает в себя 7 этапов:

- 1) пренатальный (от зачатия до рождения);
- 2) парапубертатный (от рождения до 7 лет);
- 3) препубертатный (от 5 до 13 лет);
- 4) пубертатный (от 12 до 18 лет);
- 5) подростковый (от 16 до 26 лет);
- 6) период зрелой сексуальности (от 25 до 55 лет);
- 7) инволюционный период (старше 55 лет) [2].

Легко заметить, что эпоха взрослости представлена здесь тремя возрастными группами, каждая из которых имеет свою специфику. К сожалению (выше мы это уже отмечали), авторы дают лишь поведенческую характеристику этим этапам, оставляя без внимания единый критерий выделения соответствующих периодов развития. Причем периодизация будет иметь завершенный вид лишь в том случае, если искомый критерий будет в равной степени применим к сексуальности не только взрослого, но и ребенка.

По нашему мнению, критерием выделения этапов в сексуальном развитии человека следует считать жизненные задачи, которые он должен решить в ходе становления его сексуальности. Жизненными эти задачи являются потому, что от успешности их решения во многом зависит вся последующая жизнь